

Хайям

Павел Шуф

в Афинской школе,

или

Нарнак-Наме

Поэма — трактат

Павел Шуф

Хайям
в Афинской
школе,
или Парнас-наме

Поэма-трактат

Copyright © Pavel Shuf, 2013

New York
2018

Литературно-художественное издание

ПАВЕЛ ШУФ

Хайям в Афинской Школе,
или Парнас-наме (*поэма-трактат*)

PAVEL SHUF

Khayyam in the Athenian school,
or Parnas-name (*poem-tractate*)

All rights reserved

Copyright © Poem by Pavel Shuf, 2013

Registration # TXu 1-848-330, USA

ISBN: 978-0-692-18072-3

Редактор

Лейла Шахназарова (Ташкент)

Дизайн и верстка

Борис Будиянский (Нью-Йорк)

No part of the text of this book may be reproduced,
stored in a retrieval system, or transmitted in any form,
by any means, including mechanical, electronic, photocopying, or
otherwise without the prior written permission of the author.

*Старинные миниатюры, украсившие книгу, являются
общественным достоянием.*

The ancient miniatures that adorn the book are public domain.

*Images found on websites are borrowed for personal,
non-commercial use, including educational and scientific purposes.*

Printed in the United States of America

“Изыскный ребус, пребывающий сохере жизни и иронизательности”

Живя в Ташкенте, Павел Шуф был известен как автор книг для детей и юношества. Его приключенческие повести «Пять минут до десанта» и «Сбор трубил карнай», вышедшие в московском издательстве «Молодая гвардия», сатирическая трилогия «Записки Балтабаева-младшего» и многие другие — всего два десятка книг — были любимым детским чтением для многих из тех, кому сегодня под сорок. Да и ныне у этих книжек есть свои читатели.

Сейчас, уже в США, где он живет с 1992 года, П.Шуф не перестает поддерживать связи с первой и главной своей родиной — «родиной души». Что бы ни писал Павел, между строк его, а часто и прямо в строках, лично я чувствую ностальгию по минарету Калян в Бухаре, по самаркандскому Регистану, по нашему родному Ташкенту.

Темы, связанные с Узбекистаном, пронизывают многие его книги, вышедшие в последние годы. И в этих книгах он раскрывается с новой, стороны. Впрочем, вполне закономерной — для всех, кто знает и помнит остроумие этого многослойного человека, его парадоксальный склад ума прирожденного афориста, мастерское владение искусством словесной игры, где за весельем нет-нет да проглянет мудрая и горькая ирония... Вот почему десять новых книг Шуфа, изданных в Америке: поэмы, афоризмы, эпиграммы, фаблю, притчи, бурлески,

сатирический «рифматизм» — меня порадовали, но не так уж и удивили.

По-настоящему неожиданным станет, думаю, для прежних его читателей другое «открытие» Шуфа — тонкого, щемящего лирика, каждое стихотворение которого — своеобразный изящный ребус, требующий от читателя не только сопереживания, но и проницательности, зоркого взгляда, умения «прочитывать» за строками второй и третий план[1].

Александр ФАЙНБЕРГ,
Народный поэт Узбекистана

1) Опубликовано на сайте Совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан

Дерзкая поэма-симулякр

Трилогия повестей — «Тайна Лысой горы», «Улыбка лорда Бистузье», «Приключения юнкора», — я хорошо знаю эти и другие книги Павла Шуфа. Чту глубокое знание предмета, о котором он пишет, парадоксальность сюжетов, взрывную лексику, добрую улыбку. Новый «парадокс»: член Союза писателей СССР, он сейчас — в Академии американских поэтов.

К чему ни прикасается его калам, он всё делает светло, летуче и философски глубоко. В этом можно легко убедиться, прочитав новую поэму-трактат Павла Шуфа «Хайям в Афинской школе». Поэма-трактат, опубликованная на многих авторитетных сайтах, получила высокую оценку и читателей, и собратьев по перу разных направлений. Новое произведение Шуфа глубоко экспериментально. Ориенталистика, рубайят, аллюзийные отсылы к «нашей» конкретике, а главное — своя и наша общая, схожая эмигрантская судьба — через вехи Хайяма! Автор уморительно пародирует горе-переводчиков восточной поэзии, а также псевдоученых, густо унащающих свои «ориентальные» тексты ссылками на чужие труды и сносками, заунывно объясняющими восточные слова. От себя скажу: о средневековом учёном, мудреце и поэте написано огромное количество книг. Среди них достаточно вспомнить романы Г. Гулиа, Я. Ильясова... Но таких значимых и глубоких аллюзийных поэм-симулякров (по философу Бодрийяру), посвящённых Хайяму, ещё не было в литературе. Думаю, что Павел Шуф вписал в хайямоведение свою неповторимую страницу [1].

Николай КРАСИЛЬНИКОВ,
поэт, бывший главред журнала «Звезда Востока»

1) Опубликовано на сайте Совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан

"Поэтов яд и Хмель..."

(Синонимс праКтАтлА)

**Эллада... Рим... Поэтов яд и хмель...
Философов всех весей и земель
Созвал в веках кармаем дивной кисти
«Афинской Школы» ректор Раф а-Эль.**

**Здесь Птолемей над глобусом парит,
И Афлатун о горнем говорит,
И, циркулем своим в оливки целя,
Сам Архимед к наукам гнет Харит.**

**(Там истина на кончике пера,
Где перышко торчит из топора...
Пусть хороши Афинские мектебы, —
В Афрасиаб пора, уртак, пора!)**

Хайям в Афинской школе, или Парнас-Наме

«Мы были свидетелями...»

(Омар Хайям. Трактат
«Алгебра»)

**«Куда нам бежать, Гомер, и где
остановиться?»**

(Климент Александрийский.
«Педагог», кн. III, XIV, 1., 2 в.)

**«Поскачу я по далеким странам, —
Только звезды над моим тюбаном».**

(Гете. «Западно-Восточный
диван»)

**«Мой долг передавать все, что
рассказывают, но, конечно, верить
всему я не обязан».**

(Геродот)

"ҲАТТЕРИЦА" НА ДОРОЖКУ

О, как легко, когда ты юн и нищ,
Оставить плен расшатанных жилищ.
Был месяц Рамадан. Брела дорога —
Свобода мук и новых узилищ[1].

Не Алгеброй, — «Трактат» ее храни! —
Пылал иной задачей
в те дни,
Когда в садах Ал-Кея — не Лицея —
Услышал зов: «Дорогу сочини!»

Спал Нишапур. Но, смутами звеня,
Был вреден... Вреден истерн для меня...
В Афрасиаб ушел через Афины,
Приметы тропок цепко сохраняя.

Века и дни нам разные даны,
Есть рубайят, и нет моей вины
В том, что рождают в ферганах — Бабуров
И все же просят их из Ферганы[2].

Как просто, оказавшись в тупике,
В кабулы мчат с поводьями в руке...

...Он землю победителям оставил,
Но ускал — с душой ее в мешке[3].

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Знай, что ждет тебя на дороге еще сотня разбойников». (Шейх Фарид ад-дин Аттар. «Логика птиц». Нишапур, 12 в.)

2) «Лучше жить где придется, чем с людьми, которые со мной так поступили». (Диоген Синопский. «Собака», 4 в. до н.э.)

3) «Ты покидаешь нас, Узбек, чтобы отправиться в путешествие по варварским землям». (Монтескье. «Персидские письма». Заши — к Узбеку в Тавриз)

Анодогия МЕХМОН-ХОНЪ, или ПАНОРМА с плеч НЬЮТОНА

Симургу и двуглавному орлу
Я протянул Дороги пиалу.
Теней незримых видимое слово
Явило и восторги, и хулу.

Ступай, лети, по глади ль вод скользи, —
Не обманись наличием стези:
Дорогу не обгонишь. Но дорога —
Всегда длиннее. Лучше не бузи.

С молодых ногтей, пока не муженек,
Ищи ответ, сбивая разум с ног:
Кто лучшие друзья для сонма гурий —
Смарагды ль притч? На пальце ль перстенок?

Учил Сино, нашептывал Сократ:
Важней стихов — Научный Аппарат,
Казна, что сыто ломится от фактов —
На сто кило и тысячу карат.

Скучны стихи? Поэта отогни
И к мудрецам постарше загляни:
Поведают о горнем аксакалы —
Низам ал-Мульк, Бабур и Бируни.

Прошу к столу... Алейкум ассалом!.. —
Блесните аппетитом и стилом!..
(Случалось вам бывать в гостях у Гостя,
Когда царит за вашим он столом?)

Устам Лейлы и ножкам Зубейды
Не заменить суфийские сады,
Где Ньютон лез на плечи великанов,
Чтоб даль узреть иль повторить зады.

Хромает слог? Спасет Абу Али,
И счастья ключ подарит Газали, —
Лишь строго молвят: «Рот уйми, коллега,
Пока джигиты лоск не навели.

Пока читатель не усоп с тоски,
Не глушит виски и не трет виски, —
Не суетись, приятель, меж умами:
Хот-дог — сосиска, вовсе не стихи!»

Готов я крохи личного добра
Свистать в калам... Как только на-гора
Волной рванут сиятельные речи
Султанов слова, кесарей пера.

Читатель-бек! Не тем ковры стели,
Кто, множа строки, выбьются в нули.
Но не мешай Руми отлить «Масневи»,
Он — падишах персидской махалли.

Пусть старины волшебное вино
И вознесет, и даст увидеть дно:
Готовьтесь, плечи Ньютона! И — Ньютон,
Коль дали не лорнировал давно.

Хвала векам! Читателя ты спас,
Старинных уст живительный рассказ.
...Но что Бабуру — скучная сосиска,
И что хот-догам рык Бабура: «Фас!»?..

**(КОГДА Ж К ВОПРОСАМ ПОЗОВЕТ ЗУРНА,
ЧИТАТЕЛЬ! ВМЕСТО ЧАЯ ИЛЬ ВИНА —
СПУСКАЙСЯ В ТРЮМ ТРАКТАТА. ВСЁ РАЗВЯЖЕТ
КУДРЯВЫХ СЛОВ МЕШОК: «ТОЛМАЧ-ХОНА».)***

* См. стр. 56

1.

**«Не следует человеку задерживаться
в том городе, где он пребывает под
надзором».**

*(Маймун ал-Куртуби
(Маймонид, он же Рамбам).
«Послание о гонениях»)*

**«Случилось, что из Туркестана пришло
большое войско... и дело шло к войне».**

*(Омар Хайям. Трактат
«Науруз-наме»)*

**«...а самому перейти через Джейхун,
направиться в Бухару и Самарканд, дабы
привести тамошних людей в веру».**

*(Низам ал-Мульк.
«Сиасет-наме»)*

В те дни, когда грозой был воздух пьян,
А я — стихов азами обуян,
Гремел саям: «Хурджун. Верблюд. Афины!»,
Но пел калам: «Меджнун. Галут. Кальян!» [1].

Мне не Гораций коридор добыл,
Не Данте обеспечил стол и тыл —
Я поздно юрту сдал...
И на пороге,
Что вел к верблюдам, — алчно схвачен был.

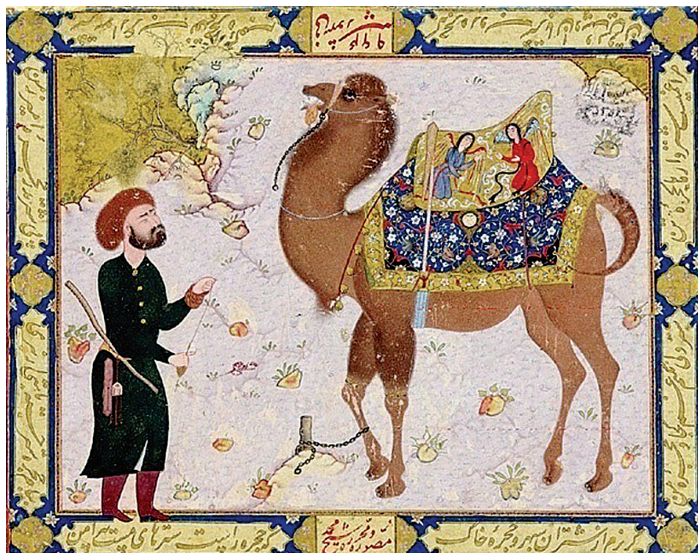
Тот караван-сарайный юзбаши —
В круженье сотни... В чаде анаши —
Арестовал перекладных верблюдов,
Отняв улыбки тающей гроши.

Бакшиш последний он успел слупить
(У халифата совесть оскопить...).
На тот динар, что он из горла выдрал,
Купил зарок я: драхмы не копить.

Ту сотню рыл в верхах крутых кобыл
И гогот их — Хайям не позабыл,
Им благодарен: сделкою —
Великий
Путь Шоковый верблюдам я добыл[2].

Ты, бактриан, — пустынное такси:
В барханах мчишь — как Горький по Руси.
И даже от врага ища защиты,
Я знаю — у тебя мультук проси[3].

Ловкач, набрось аркан на свой спецназ,
Суровый день свел в этой банке нас,
Где рубайят не презирал Жанетту,
Ни Данте, ни Джами не сторонясь.

Кадил верблюдам и камлал арбе,
Хвалил аль-джабр, молился алифбе.
...На полпути к подножью Афлатуна
Я очутился в сумрачном себе.

...Ты ж, мингбаши, барханами рули!
Проснись и пой: теряются вдали
Все те, кого качели бактрианов
В двугорбые смятения везли[4].

Рад тебе люд, о Караван-сарай! —
Устал верблюд. Путь Шелковый — не рай:
Давить песок, в барханах утопая —
Одно, что для певца — вороний грай.

Но я объят заботой тыловой:
Верблюду б жмых, мне — чаю и насвой...[5]
ОФИЦИАНТ! Я б заказал... (Тебя же!.. —
Резвее и на Кушке половой.)

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Таинственное обаяние Лейлы обволакивало...».
(Анаис Нин. Из сборника «Дельта Венеры»)

2) «В какую землю мне бежать, куда я направляюсь?»
(«Авеста». Молитва Заратуштры после изгнания)

**3) «Фаллос верблюда настолько жилист, что из него
делают тетивы для луков».** (Аристотель. «История
животных», V, II, 10)

4) «О, Русская земля! Ты уже за холмом!» («Слово о
полку Игореве»)

5) «Лепешку бы!» (Менандр. Комедия «Брюзга», 4 в.)

2.

**«Возьми для примера время Гермеса
или Александра».**

(Аль-Фараби.
«Фусул ал-мадани»)

**«Александр просветил Азию, читая
Гомера, а сыновья персов распевали
трагедии Еврипида и Софокла.
Бактрия и Кавказ стали поклоняться
греческим богам».**

(Плутарх)

**«Если нет под рукою муллы и мечети,
Поп сгодится и вера чужая сойдет».**

(Омар Хайям)

**«Как говорится, убежав от дождя,
спрятались под водосток».**

(Низам ал-Мульк.
«Сиасет-наме»)

Сумел уста мне отворить Гомер,
Подал акын величия пример:
Гексаметру назначил перековку —
На рубайят (в границах срочных мер).

Я под кифары ваши не пляшу,
Чужим гаремам мед не подношу.
Ты не зови меня Омархимедом,
Поскольку не хайямбом я пишу.

Пусть в Гиппокрене слезы муз струят, —
К сиренам глух... Но — мил гарем наяд.
Стихов арба, не мчи варягом — в греки:
Смешон мне шестистопный рубайят.

Чтоб радовал землян зари обвал,
Босс институт Авроры основал.
Я с первым залпом утренней Авроры
Любимую в упор расцеловал.

Не разбудил!.. (Но даже и каргу
Лобзаний ток в момент согнет в дугу.
Фригидность принимая во вниманье,
Контрольный поцелуй – приберегу.)

Сбылись Пиг-м-Аль-Ионовы мечты:
Ах, Гюлятея нюхает цветы!
Затем ли, пери, я люблю живую,
Чтоб статуей лежала нынче ты?[1]

Сам Бахус пиалу поднёс вчера —
С фалернским, что покрепче топора.
Любимая, нет крепостей на свете,
Которых бы Хайям не взял с утра.

Покуда мы, как виноград, — в соку,
Услышь призыв, что втиснул я в строку:
Не разменяй любовь мою на драхмы, —
Не то найшу на банк Амир-аку!

Валькириями рейдеры влетят,
Тел штаты — на десятку сократят,
А горы закладных на милость к падшим —
Уложат в башню легче, чем котят.

Апофеоз войны не пел Бар-Коф,
Хайям — и тот талантом не таков.
(...Когда б иной Бехзад иль Верещагин
Воспел мазары рубленых стихов!..)

Сложу вопрос саманным кирпичом —
«Скажи, Бар-Коф: а рент ушей — почему?»
Лже-Демосфены, мнимо-Цицероны
Сильны орала подпирать мечом.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

**1) «С еврейкой бешеной простертый на постели, Как
подле трупа труп...» (Бодлер. «Цветы зла»)**

3.

*«Дни, проведенные без радостей любви,
Считаю тяготой ненужной и
постылой».*

(Омар Хайям)

*«Пребывание в долине воздержания
причинило мне много беспокойств».*

(Бабур)

Конюшню рассмотрев со всех сторон,
Я важный силлогизм возвел на трон:
«Из всех коней для нас наиважнейшим
Является, любимая, — Хирон».

Лоза Шираза, ты равна лучу...
Фалернским тоже душу я лечу.
Задав аи охапку ибн-Кентавру,
С «мерзавчиком» к любимой поскачу.

Я б закусил... Да нет, друзья — губу!
Обидно: график вылетел в трубу.
Опаздываю, Солнце!.. Чтоб доехать,
У Фаэтона одолжу арбу[1].

Миг скоростей — милей казы и сдоб,
Но молви, ямб шести античных стоп:
Зачем?.. Зачем Горгону-то — в мигалки? —
Мигнет, и в жилах кровь — навеки стоп!

Проснись, герольд! Прибытие труби:
И впрямь, у Фаэтоновой арбы —
Крылатые сандалии Гермеса,
Не зря его воспел аль-Фараби.

Дай жажду смыть, души моей кяриз,
Такырам губ — пора испытить сюрприз:
Не караваны ласк ли ждет Великий
Путь Шелковый — твоих волшебных риз?[2]

Поверь, я вовсе вкуса не лишен:
Мир моды был бы завистью взбешен,
Когда б ты приоделась как Годива —
Для парного катанья нагишом!

Забыл бы люд механику грехов...
Лишь хаш из ста бойцовских петухов
Поможет всем поднять глаза на диву...
Но где добыть виагру для стихов?

Я Сциллой ножку левую назвал
И по Харибде правой изнывал.
Любимая, меж Сциллой и Харибдой,
Пожалуй, я б охотно бедовал[3].

Когда ты холодна — я весь в поту,
Из кос твоих не лапти — чушь плету:
Как дервишу под пеплосом нащупать
Красотки ахиллесову пяту?[4]

Тянусь к голубке — прячется в кусты,
Я к розе — закрываются цветы.
Когда в мольбе тяну к тебе я руки,
Бежишь, как от Тантала, даже ты.

Лейлы улыбка, Зубейды уста —
Лишь на султанов падают с куста.
О, далеки красотки от народа:
Поэт, казна надежд твоих — пуста.

Но прогони Хайяма, коль иной
Готовится стать мужем и стеной.
Одна лишь Верность делает супругу
Той, что стократ прекраснее, — Женой![5]

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Я дам тебе две сотни слуг-татар, Чьи скакуны поспорят и с Пегасом». (Монолог Тамерлана в трагедии Кристофера Марло «Тамерлан Великий»)

2) «О Лейла, будь щедра. Ведь я томлюсь в тюрьме любви!» (Поэт Маджнун Кайс ибн аль-Мухлавах из племени Бану-Амир, 7 в.)

3) «Эти каденции раздражают Лейлу». (Анаис Нин. Из сборника «Дельта Венеры»)

4) «Лучше всего в таких случаях отвечать словами «Бельмей-мен» (не знаю)». (Арминий Вамбери. «Путешествие по Средней Азии»)

5) «Отвращение Спитамена к распутницам усилило его прежнюю любовь. Поэтому, снова всецело отдавшись жене...» (Квинт Курций Руф. «История Александра Македонского», кн. 8, гл. 3)

4.

*«Много сект насчитал я в исламе. Из всех
Я избрал себе секту любовных утех».*

(Омар Хайям)

Яд седины в бородку льет мне бес:
«Крепи любовь — освой богатств ликбез».
Любимая, поверь: еще не вечер...
(Я лишь хотел сказать: ещё не Крез).

Шалаш с годами надо б приодеть,
И если не желудком поглядеть, —
Узнаешь: любит милая ушами,
Коль в ушки эти золотишко вдеть.

Чувств — олигарх... Карман же — лихом шит.
Но бес уже и в ребрах ворошит:
«Всегда ищи для милой Эльдорадо,
Будь как Гарун — глазастый ар-Рашид!»

В дехканском платье рыскал он в ночи,
О нем шумели сказки и ручьи.
Такой поисковик — шустрее «Гугла», —
Уж лучше сам себя разоблачи.

Велик Гарун, коль в лучшем из миров
Осыпал всех смарагдами даров:
В строй действующих лег объект важнейший —
Зиндан на сто посадочных воров.

Гарун — всеведущ! Славу он обрел:
Сыта страна. И не дымится ствол.
(Когда б, как Он, бродил я по базарам, —
В тылу б — Семихалифщину развел.)

Сей фронт работ Хайяму — на века,
Отсохнут и надежды, и рука.
О, где найти такого мне Гаруна,
Чтоб отстегнул хотя бы ишака!

Мечты о «шестисотом» — вмиг срезай,
Ишак и первый — гужевой Мазай.
Покуда пуст загон — смелее, пери:
Сам повезу, — на шею полезай!

5.

**«Мужская доблесть его покорила не одну
девицу из туранских степей».**

(Георгий Гулиа.

«Сказание об Омаре Хайяме»)

**«У занимающих посты больших господ
Нет в жизни радости от множества
забот».**

(Омар Хайям)

Крепчает жар сердечного огня,
Мулла окрутит — станем мы родня.
Явись с повинной хоть в канун обряда:
Не в Аргусы ль готовишь ты меня?

О, чародейка! О, шахиня поз!
Добра к стихам, но жаль — мутит от роз...
Молю, крепись: уж коль прошла античность —
Пройдёт и этот глупый токсикоз.

К тектонике прикован Прометей —
Ни юрты, ни супруги, ни детей...
Хайям к тебе прикован, дорогая,
Вообрази: с младых твоих ногтей.

Антей, как в джиу-джитсу сто парней,
В контакте с грунтом — в тыщу раз сильней.
Так и Хайям силен лишь в тесной смычке
С контактную любимую своей.

Судьбой — для Геродота факт добыл:
Седой Арал любовь ко мне прибил.
На бурдюке одном плывем с тобою,
Покуда час цунами не пробил.

Кассандру, от которой — лишь табу,
Пошлю к табибу, кинув на арбу.
Зачем гадать, коль гурия сумела
Зигзаг свиданья превратить в судьбу?[1]

Не Архимед, но буду на коне:
Опорный клич давно понятен мне,
Поскольку точку сладостной опоры
Я с гурией обрел наедине.

Жизнь без Харит — не радость, а тюрьма.
Но — единицы их, плутовок — тьма.
Зато неутомимая вакханка —
Что в Каракумах чай и домлама.

Отары ласк... Объятий долгий гурт..
И губки пери — словно к пиву — курт..
(Добавлю к топографии любимой —
Барханы Рая[2]!.. Живота Устюрт!..).

В гареме кос роскошных — ум почил,
Табибом уст твоих я жар лечил.
(Перевести бы надо «Песню Песней» —
Чтоб «Бейты Бейтов» демос получил.)

Да будь любых я лет юнец иль муж,
Без лени потяну любовный гуж, —
За то, что Сулейман пел луноликих
По формуле разделки милых туш[3].

Ужель печали — вечный мой удел?
Я все стихи и очи проглядел..
Когда и бос, и гол я, —
для начала —
Вериги б Гименеевы надел.

Зачем калам я мукам посвятил —
Словно Сизифа в гору закатил?
Любимая, не по твоей вине ли
Себя в ходячий камень превратил?

Гер-Акл аул телёнком обносил.
Подрос бычок... Гер-Акл налился сил...
Готов и я нести тебя к Парнасу,
Покуда сколиоз не подкосил.

Лейлы урчанье, очи Зубейды
Вмиг доведут поэта до беды,
Когда в ответ на тост любви —
не жаждут
Его казны и чувств алаверды[4].

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «И на что же это похоже — любовь Лейлы? Это потрясающе! Экстракласс». (Анаис Нин. Из сборника «Дельта Венеры»)

2) «А Раем Муамеф называл мясную пищу, напитки и соитие с женщинами». (Император Византии Константин Багрянородный. «Об управлении империей»)

3) «Его пушок — фиалки, щеки его — тюльпаны, его локоны — базилик... Слезы мои — Оманское море!» (Бабур. «Восхваление красоты жестокого Друга» [имеется в виду юноша по имени Бабури, к которому обращен лирический цикл Бабура] из т.н. «Парижского сборника», листы 24 и 29. Перевод акад. А.Н. Самойловича)

4) «Шуфф так часто молча страдал от грубости, что этой пустячной стычки было довольно, чтобы дело дошло до разрыва». (Анри Перрюшо. «Жизнь Го-гена»)

6.

**«Я взирал на свою душу. Она
простерлась от Востока до Запада».**

*(Валад Бахауддин, отец
великого Дж. Руми. «Маариф»)*

Увы, в тебе шарад густой замес,
Уводит в пропасть лабиринт словес.
Коль трижды ты с утра покрыта тайной,
Догадываюсь, где Барса-Кельмес[1].

Когда в шкафу у пери — мрак и тьма,
Беги, Любовь, загадок для ума:
Беда — узреть в глазах своей подруги
Не ясность, а шарады муамма.

Любовным блюдам внятна жажда смен:
Во все века царит своя Кармен.
Скажи: ты — не Троянская кобыла,
Не шкаф ли со скелетами измен?[2]

Бродячего ль поэта пощадишь,
Когда, как Янус, в оба лиха бдишь:
Пока готовлю лишь зирвак объятий, —
Не знала ль некошерный ошатыш?

О, не спеши мечты мои предать, —
Измене ускорение придать:
Моих стихов коварный Рубайяго
Сумеет прозу козней разгадать[3].

К чему до края набивать карман,
Коль Азраил на всех строчит фирман?
Пока надеждам я вдеваю серьги,
Не вешайте мне на уши лагман!

В зиндан Аида хахалей смету,
Достану на работе и в быту.
«Оставь надежду всяк сюда глядящий!» —
Такое ждет животик твой тату.

Хайямова покоя дефицит
Впиши в «Дафтары», фактов друг — Тацит.
Но час пробьет, и расцветут карнаи:
Ведь счастье — это горя суицид!

Пока Гарун ловил в ночи ворье,
А двор жевал гаремное белье, —
Проснулся я — с Собранием Сочленений
Ответной вязи: «Занято. Мое!»

Плутовка! Да тебя пора связать
И месяц принудительно лобзать.
Ах, как мне повезет, коль лозунг этот
В Диване не заставят показать!

Когда б иное выдула зурна,
Поверь, с тобой хлебнули бы сполна:
Статью бы прилепили пожирнее —
Без права переписьки и вина.

Вообрази, как завизжат враги
И возликуют Узкие Круги...
Какие ты предъявишь аргументы
На личной встрече аж с Диван-беги?

Едва ему ты явишь красоту, —
Сомлев под сенью гурии в цвету,
Сей господин такой бакшиш запросит,
Что и чернил не хватит для тату.

В краях, где Нострадамусы в цене,
Не след искать забвение в вине.
Жди опохмела: ведь рассвет проявит —
Тату на Валтасаровой стене.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Шуфф пришел к выводу, что рядом им жить невозможно. «Вы созданы, чтобы повелевать, — написал он позже, — а я, чтобы оставаться равнодушным». (Анри Перрюшо. «Жизнь Гогена»)

2) «Увериться, что верных женщин нет, Увы, с тобой мне довелось, мой свет». (Джон Донн)

3) «Она неоднократно поднимала знамя греха, притачив барабан безнравственности». (Мухаммад Риза Барнабади. «Тазкире» — «Памятные записки»)

7.

**«Не позволяй, чтобы женщина
наблюдала мужчин из отверстий,
окон, дверей и крыш. Ибо все напасти
возникают от взглядов».**

*(Имам Абу Хамид Аль-Газали.
«Эликсир счастья»)*

Щекоткой струй легко мужей пленять...
Не Архимеду ль гурию понять:
У тела, погруженного в печали,
На плюс сумела минус поменять!

Но эту чашу я испил до дна:
Была и Архимедом ты пьяна...
Не «Эврика!» — вопил я, а — «Э, ври-ка!»... —
Когда ты лепетала, что верна.

Полна ты (так же душит плов зира)
Опарой чувств, что лезет на-гора:
То — Архимед... То — старец с катарактой... —
В сознанку бы, любимая, пора.

Хотя пугает в Цербере оскал,
Полезен башковитый сей фискал.
Каков филёр! Не к деве ли приставить,
Чтобы клыков с шалуни не спускал?

Рычу я: «Мысли прочь, страстей пират,
Нарвешься, внук Шайтана, на джихад:
Расплавлю пояс верности из меди,
Надежней Цербер верности — стократ!».

Пока юны, а в жилах пышет зной,
Не стань моей холодности виной:
Любимая, забудь о Лисистрате,
Коль мирный пакт планируешь со мной.

Такие — как на стуле пять ежих,
К поводьям власти подпусти лишь их, —
Обучат Спартака они любого,
Как в руки взять квадригу жен чужих.

Заржет, гарцуя к истине лицом,
Хирон (кентавр во многом стал спецом):
Изобретатель лошади Пржевальский,
Мол, был — проездом! — Сталину отцом...

Немой вопрос — удел моей души:
С кяфиром ветхим — не сошлась в тиши?[1]
Ужель с размаху вгрекалась в Гомера,
Как дымоед — в капканы анаши?

Жаль, но преграду эту уберут,
Заказ престижен — кадры так и прут.
В Срединном море бьет хвостом искусник:
С удавкой — Яго, а с заточкой — Брут.

Даст ассасин торжественный зарок,
Белея... Но ведь бледность — не порок:
Не прекратишь — вмиг ошатыш погасит
Слагалище его на тыщи строк[2].

И уваженьем можно порешить,
Коль песнь и глотку — пловом заглушить:
Иным Сократам не нужна цикута,
Рентабельней — в объятях задушить.

С груди сполз пеплос. Сброшен на пол плед.
Ты — не одна? — Возьму, как Цербер, след:
Геронтофилок много и в Ширазе,
Но — Он!.. Очнись: Гомеру ж — тыщи лет!

Не стану бейт на голове тесать,
Гомера б — Авиценне отписать:
Нет, целлюлит акыну не мешает,
Но тыщу лет — не лишне б отсосать.

О, твой мангал — пора б угомонить,
Коль аксакалов норовишь пленить.
Но как же — Сей, красотку изучая,
Сумел — с его-то зреньем! — оценить?

Я не Сократ, чтоб портить молодежь[3].
Ты ж в лабиринт измен сама бредешь.
Бесстыжая! Куда ты «Одиссею»
В глубокой тайне на всю ночь кладешь?![4]

Узнать такое — жизнь начать с нуля..
Гомер — горчичник?.. Валидол — Золя?..
А ты б туда же... На ночь... — Телемака!..
И Ариадны нить — Гаруна для!

Не перебор ли — с маслом по слоям,
С закусками внутри и по краям? —
Не ночь, а Секстафета Поколений..
А я, выходит, — Зулькарнайн* Хайям?[5]

Пусть бороды свои лингвисты рвут,
Но «жизнь» — «омаром» в Персии зовут,
А на иврите «жизнь» зовут — «хайямом»,
Вот так орлы двуглавностью слывут!

---

* *Зулькарнайн (араб.) — «двурогий». Прозвище А. Македонского.*

Когда Фемида одолжит весы,
Не дрогнут двуязычия усы:
Ведь нынче я — Хайям для Моисея,
Зато — Омар для славного Мусы.

Лечи больных, табиб Абу Али...
Меня ж вдвойне к здоровью привели,
Когда, назвав Омаром и Хайямом,
В дней караван две жизни заплели.

Так Зулкарнайн, без отдыха и сна,
Двучлен судьбы готов решить сполна:
Восток и Запад — крылья Искандера,
Омар с Хайямом — жизни имена.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Красивое имя «Лейла» нравится не только мусульманам, но и некоторым кафирам» (muslimnames.ru)

2) «Лучшим родом смерти у массагетов считается тот, когда людей преклонного возраста разрубают на куски и, смешав с бараниной, поедают». (Страбон. «География», кн. IX, II)

3) «Сократ проявил сдержанность, когда спал с Алкивиадом». (Плутарх)

4) «Известный анатом Хиртль нашел в вагине «пациентки» меню из ресторана. Оно пролежало там 26 лет!» (Из трактата сексопатолога Людвиг Якобсона. 1923 г.)

5) «С той поры, как мой муж старается охранить меня, я даже и в пустыне, ему наперекор, сыграла в нарды страсти с 99-ю мужчинами». (Зийя ад-Дин Нахшаби. «Книга попугая», 14 в.)

8.

«Так бойтесь же женских злодеяний и добродейнями их не обольщайтесь».

(Имам Али. «Путь красноречия», хутба 80)

«В час полуденной молитвы состоялась попойка».

(«Бабур-наме»)

Гляжу, о важном сообщить спешишь? —
Смелей! Оплатит весточку бакшиш.
Ого! Дала Гомеру, но — отставку! —
ОФИЦИАНТ! Нектар-хане — гашиш!

Гомер, ты — падишах или святой?
Нет жизни. Есть гринкарта на постой:
Лишь чаши черепок познает вечность, —
Успей испить, что было в глине той.

Не в силах жажду я в себе копить,
Пришла пора кумыс с акыном пить.
«Давай сначала сто по два. Но — бейта!» —
Шепнул Гомер — и шмыг стихи вопить.

Стихи и нимб — великий клад при нем,
Он ночью — зрячей, чем Горгона днем.
Могла б в шатрандж помериться с Гомером —
Забут им на кобылок ход конем[1].

Ташу не Демосфену гуваялак, —
Гомеру, чтобы сбить речевок флаг:
Гекзаметрами нам всю ночь мешал он,
Как будто мы — афинский сумаялак.

Нет аксакалам дела до найд,
На холостом ходу стихи стоят.
Когда им не до чаши и гетеры —
Сгниет в глубоких ямбах рубайят.

Не сотворишь ты пищи для ума,
Коль на замке страстей твоих тюрьма:
Получатся не бейты, друг мой колкий,
А глупая фалернская «Чашма».

Слова-кастраты — худшая беда...
Уж лучше в пиалу явись бурда.
Сгинь, труп стихов! Лексические тени
Посмертно не войдут в Шахи-Зинда.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Во времена царствования Хосрова Ануширвана великий царь индийский Сачидхарм для того, чтобы испытать разум и мудрость жителей Иранской страны, послал шахматы (шатрандж) — из изумруда и яхонта».
(Предание «Шатрандж-наме», 6 в.)

9.

Вы — дети мифов и векам пример,
Ваяли вас и демос, и Гомер.
Абу Али — и тот признал бы в каждом
И притчи столп, и панацеи перл.

Я в вас, друзья, Метафору люблю,
Нет, вы — не мифы! И судьбу молю:
На тюбетейках — каждого бы вышить
И на халатах! Если прикуплю... [1]

О, как бы звонко грекам я трубил,
Смирился и Зоилу не грубил,
Когда б Гер-Акл в тринадцатом геройстве
Задействовать Горгону не забыл!

Была б змеюга мягче и добрей,
Не знали б горя эллин и еврей... [2]
(Уролог, умали беду Приапа,
Что вздыбилась в Помпеях у дверей.)

Фатальна радость... Муки и печаль —
Вмиг на мультук войной пойдет пищаль:
Природа-мать, верни покой Приапу,
Твой переросток — с горя одичал.

Воспрянь же, род мужской, как Челубей,
Приапа чаши в спальнях не испей:
Минуй... Минуй нас пуще всех пищалей —
Сверхдоза в лупанариях Помпей!

Но с бедолагой мы — в одном строю...
Сын махалли, вооружи семью —
Скажи, Приап: не происки ль Медузы
Воздвигли твердокаменность твою? [3]

Пиши, калам: Отечества Отцы,
Став глиною, пошли на изразцы.
Но ни в умах, ни в спальнях не забыты —
Предтечи Бури, Натиска спецы.

Коль к музам глух, узнай, что бури Хан —
Сам Посейдон — благоволил к стихам.
Засим трезубцем не пронзал поэтов,
Что счел гуманным сам Абу Рейхан.

Брала и нас Горгона на испуг,
Я устоял — мне жаль её потуг.
Когда ж недобро зыркнула и пери,
От нежности окаменел я вдруг.

Живя в партере, разгляди сама,
Что горя на театре жизни — тьма.
Когда ты не Руми и не Софокл, —
Не сотвори трагедий из дерьма[4].

На Диогена ль бочку мне катить?
Не лучше ль демос против стерв сплотить:
В беде мудрец... Мулле давно пора бы
Ксантиппу у Сократа отхватить.

Конечно, Демосфен — большой нахал,
Кило камней орально запихал.
Какие разговорчики, джигиты:
Я б и глухой — красотку услышал.

С философами я давно дружу,
Себя кругами атомов вожу.
Платон мне друг. Но истину — до дрожи —
Я только в Афлатуне нахожу.

Когда б и я имел в плечах талант, —
Держал бы небо, как батыр Атлант.
Но Запад Неба не переносу я:
Ведь я — ориентальный эмигрант.

Беда Гекубы поразила свет,
Есть в Книге скорби — и бабёнки след.
Но что Хайяму горькая Гекуба,
И что Гекубе гедонист-поэт?

Харон, еще ты кворум не собрал?
Уйми же прыть, чтоб люд не обмирал...
Устала Лета? Еле тащит воды?
Пусть отдохнёт — возьми в прокат Арал.

Я Посейдону сцену закатил:
Он в хаузе волной тебя схватил!
Когда б Хайям имел Маяк Фаросский,
Нахалу б очень ярко засветил!

Лихой джигит, что с весточкою жал,
Красивого конца не избежал.
Хайям всю жизнь проводит в марафоне,
Но лишь вчера успех к коврику прижал.

Парис однажды глупость отмочил:
Одной — вручил, дам прочих — огорчил.
Когда б я был садовником Париса,
Довёл бы до апорта — и почил.

...Не грекам мягко строки я стелю —
Богов Олимпа трепетно молю:
На тубетейках слов моих усните, —
Проснетесь на халатах. Коль куплю.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Александр ввел не мидийскую одежду, а персидскую, гораздо более простую». (Плутарх).

2) «Лучше всех платят девкам трактирщицы, разносчики воды, посыльные и жиды. Что касается жидов, их вообще следовало бы поставить во главе списка, потому что тратят они еще больше, чем воруют». (Пьетро Аретино. «Рассуждения», 1534 г.).

3) «Если произошла фрактура пениса, вставь его в гусятую шею. Излечишься!» (Абу-Захрави. «Трактат о хирургии и инструментах», гл. 3; 18. [11 в.]

4) «Несмотря на всю свою кротость, добряк Шуфф часто не мог сдерживать раздражения». (Анри Перрюшо. «Жизнь Гогена»)

16.

С галер стихов внезапно снят поэт...[1]
За что, Зевес? Дай махалле ответ!
Я знаю: греб на верный свет любимой, —
Черкну, пожалуй, жалобу в комбед.

Восстанья вызывать — во все века
Красоткам любо. Но зовет строка:
Мстя за рабов любви, по жаркой капле
Я выдавлю из милой — Спартака.

Любимая, закрой окно скорей:
Мчит леденящий хахаль твой — Борей.
Видать, прогнали гостя афиняне, —
Скулит, подлец, у нашенских дверей.

Будь я меж негров пламенный абрек,
Я б рубайятом брань аскезе рек.
Но я горжусь, что в Персии отныне
Я — самый хорасанский древний грек.

Спит ямб афинский... Рубайят затих...
Спешу домой, — прощай, вертеп шутих[2].
Суши, Гермес, сандалии отныне
У жаркого сандала строк моих.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Когда Сократа спросили, почему он бросил сочинять книги, он ответил: «Я не стану переносить знание из живых человеческих сердец на мертвые овечьи кожи». (Абу Рейхан Бируни. «Индия»)

2) «По походке торопливой судя, перс идет сюда». (Эсхил. Трагедия «Персы»)

ПЕСНЬ О КАЙТАРЫШЕ

**«Вот это напиток! Его место в Раю!
Это подарок Всевышнего!»**

*(Вердикт безымянного
туркестанского суфия).*

**«Император Хуай Цунг устраивал
чайные турниры. Фанатик чая, он не
заметил татаро-монголов, которые
и разрушили его империю».**

(Китайская легенда 12 в.)

**«В столице Персии Исфахане
есть харчевни, в которых пьют
иностранную теплую воду – отвар
из растения, привозимого узбецкими
татарами из Китая. Это чай».**

*(Адам Олеарий – немецкий
Колумб)*

«В Хиве чай пил только Хан».

*(Из показаний русского
пленного Грушина, 19 в.)*

Смешной акын, лавиной слов влеком,
К вам залетел с попутным ветерком.
Послушайте же «Песнь о Кайтарыше» —
Будь харч в тандыре или в горле — ком:

«Элладам под эгидой сытых крыш
Неведом вдохновенный Кайтарыш.
Диктат аи, фалернского забавы —
Лишь алчным виночерпиям барыш.

Чай — в пиале. Но мудрый не спешит,
Он ритуал торжественный вершит:
Коль трижды пиала вернулась в чайник,
Рать Кайтарыша жажду сокрушит!

Преступен чай и ждет его хула,
Когда налит — и вмиг испит дотла.
Чай праведен, когда, полна степенства,
Как блудный сын, вернулась пиала.

Он в три попытки повторит зады
И в чайнике взрастит свои плоды.
Он — Кайтарыш! Круговорот в природе
Нектара, коим будете горды.

Но Малый Кайтарыш — всего лишь путь
Чайку из пиалы — назад нырнуть.
А Кайтарыш Великий — есть уменье
И кипятков, и мир перевернуть.

Наступит миг — зеленого нальем
И пригласим на румбу «Чай вдвоем»:
Вдвоем, когда твой гость фиалы хлещет,
Ты ж — лижешь капли на столе своем.

Эллада, глупо гурий сторожить,
Коль Хан Олимпа — страсти рад служить.
А с прытью восхитителя Европы —
До похищенья ль Персии дожить?

В Олимп войдут и вилка, и калам,
И шашлыки разложат по столам,
Когда Чингиз приступит с Кайтарышем,
А кайф-о-клок заварит Тамерлан^[1].

Чай получив, составчик не мурыжь,
Заварен он под сенью наших грыж.
Как хороши, как свежи будут позы,
Когда и вас полюбит Кайтарыш.

Не избежать аэдам тумака,
Уж этим — заодно намнут бока.
Но Олимпийцам — унести бы крылья,
Чтобы не стать Европой-табака.

О, боги привередливы в еде,
Харч без нектара — к драке и беде.
Но стоило ль тащить по морю пери,
Чтобы пристать к чужой сковороде?

Плывите, Бык! Не все коту — судьба,
Бывает и к богам она скупа,
Тут не спасет и Тайная Вечеря,
Где всяк перстом укажет на себя.

Быку с Европой — к «евро» бы доплыть,
Успев Олимп с братками распилить.
Потом — за индугенцией. К себе же:
Безбожником негоже Зевсу быть.

Не плачут боги, если мир горит:
Олимп текущим охлосом сорит.
Бессилен тут всемирный Аристотель
С локальным погонялом — Стагирит.

Когда обложат кабаки и храм,
Век закипит.. И многим головам
Мыслишку явит: «Тише, Цицероны.
Товарищ Катапульта, слово — вам!»

И вызрел миг, — век удивленно взвыл,
Рай кипятка — и фронт его, и тыл.
Мир — Чайхана, и люди в ней — заварка,
Испей, Шекспир, покуда не остыл»[2].

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Тамерлан вторгнулся в Россию, в Армению, в Грузию... Но он не оставлял там войск, чтобы держать в страхе непокорных туземцев». (Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»)

2) «Чай — самое лучшее лекарство от синяков и ущемленного сознания». (Зигмунд Фрейд)

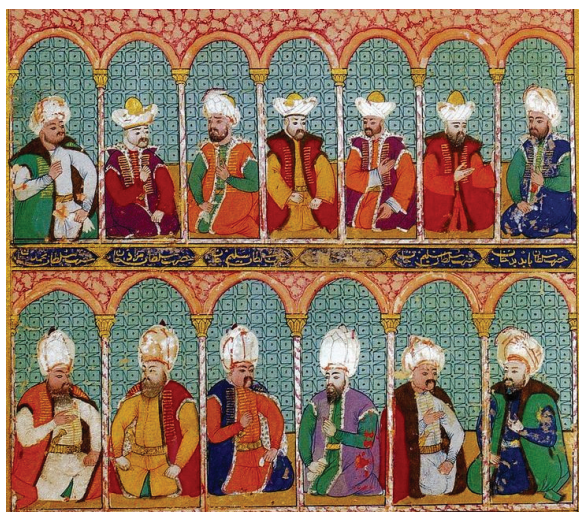
11.

Эллада... Рим... Поэтов яд и хмель...
Философов всех весей и земель
Созвал в веках кармаем дивной кисти
«Афинской Школы» ректор Раф а-Эль.

Легко забыт зловещий мост Сират
Во имя древнегреческих отрад,
Где в тамадах блистает Аристотель
И где в алаверды силен Сократ[1].

Здесь Птолемей над глобусом парит,
И Афлатун о горнем говорит,
И, циркулем своим в оливки целя,
Сам Архимед к наукам гнет Харит[2].

Вот с Птолемеем глобус я верчу,
На Диогена-циника ворчу,
Но, вдруг узрев явленье Искандера,
Скрываюсь в ель (по-нашему – в арчу).

Тут Заратуштра, что на мысли скор,
А рядом — Ибн Рушд и Пифагор:
Видать, и те не рады с Искандером
Вести научный рукопашный спор[3].

(Там истина на кончике пера,
Где перышко торчит из топора...
Пусть хороши Афинские мектебы, —
В Афрасиаб пора, уртак, пора!)

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Я к выводу пришел, что ничего не знаю!» (Хайямов ремейк ключевой максимы Сократа)

2) «Банальные очевидные штучки не могут удовлетворить Лейлу». (Анаис Нин. Из сборника «Дельта Венеры»)

3) «...И звонкую речь морщинистой бабы-яги Азии некогда слушала древняя Греция». (Олжас Сулейменов. «Азь и Я»)

12.

**«Жители Самарканда великодушны
и дружелюбны к чужеземцам; они
лучше, чем жители Бухары».**

*(Ибн Баттута — марокканский
Колумб 14 в. «Путешествие»)*

**«Взгляни на Самарканд. Ведь он — царь
всей земли. Он вознесен над городами...
Ему подножьем — сотни стран,
ступени к трону мировому».**

(Эдгар По. «Тамерлан»)

Всяк — великан, кто волею — не гном...
Афрасиаб поил меня вином,
Когда вкусил я рубайят аль-джабра,
Сменив родную юрту на бином.

Там в цифры — строф материю сгустил
И, роясь в темных происках светил,
Приветливым воротам Мараканда
Я тайны уравнений посвятил.

Для кишлаков и чопорных столиц
Доказывая верность небылиц,
Ворота те спешил открыть я небу,
Скликаю звезды в чайхану таблиц.

Гляди, Хайям, но в небе не витай^[1],
Ворсинки звезд — в ковры таблиц вплетай,
Покуда здесь всю куют бумагу —
Такую, что вздыхает и Китай!

О, звезды! В вас — разгадка тайн Земли,
Вы обратили в тысячи — нули.
Так некогда Роксана с Искандером,
Любя, в Таблицу Вечности вошли.

Наука — Хан, а не презренный клоп,
Воспой, Хайям, красу священных троп,
Которыми всегда бредет Дорога...
...ОФИЦИАНТ! Калам и телескоп!

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Из моих молитв выходят черноглазые женщины и отвлекают меня». (Валад Бахауддин, 12 в.)

13.

«Бухара — самый лучший город во всей Персии!»

(Марко Поло. «Книга чудес света»)

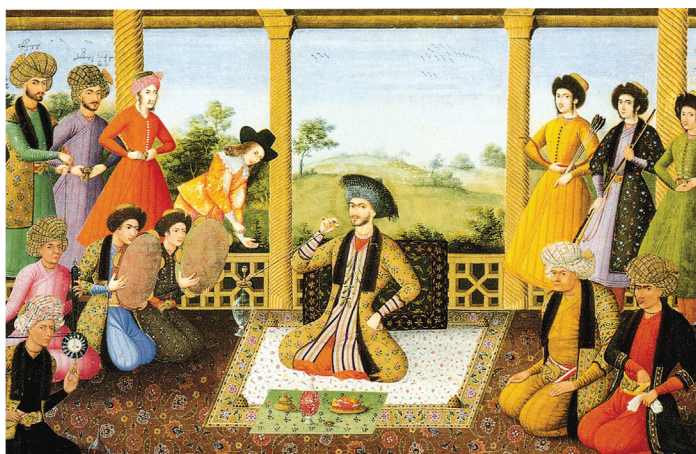
«Бухара хороша для изготовления сладостей».

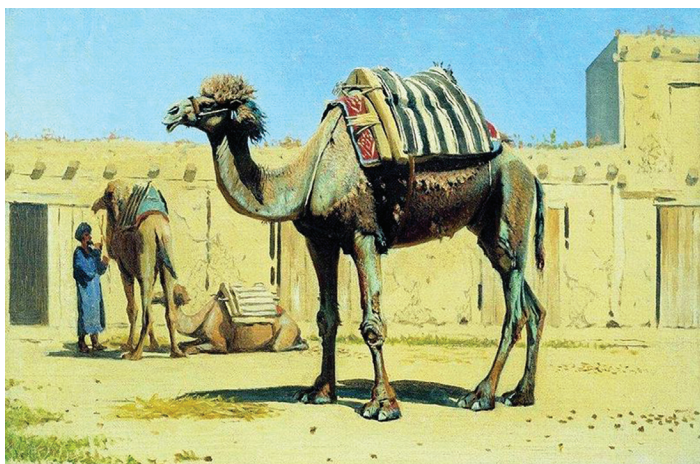
(Валад Бахауддин. «Маариф»)

Плен Бухары — в каламе я хранил,
Вараний жир — Зоилам извинил,
Афрасиад — взамен Афрасиаба —
Вергилий мой — с годами — отменил.

Бухарский зной стихи в дафтарах стер,
Когда калам я к алгебре простер
И волею хакана Шамс аль-Мулька
Был зван продегустировать престол.

О, как спастись непросто из-под глыб
Любви, что дарят шейхи и наиб:
Минуй нас пуще ришты и пендинки —
И ханский трон, и кесаря таиб!

Любовь и гнев склоняли к полюсам,
Свободы плен сверяя по часам.
Но — награжден квадригою верблюдов
И верною дорогой. В Хорасан[1].

Зирвак пути — в котле песчаных вьюг,
Доверен гибкой риве[2] жизни тюк,
И, сны рифмуя в караван-сараях,
Нес бактриан дороги тяжкий вьюк.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Моисей сказал: «О, несчастная овца! Зачем ты бежала из стада?»» (Низам ал-Мульк. «Сиасет-наме»);
«Странная моя судьба — бежать до пределов Азии».
(Баронесса Жермена де Сталь. «Записки о России»)

2) «Рифма (рави) — от слова «рива». Ибо «ривой» называется хваткая веревка, которой привязывают к верблюду тюк. Таким образом, подобно веревке, стерегущей поклажу верблюда, ривной и вездесущей ривой (рифмой) связывается и все стихотворение».
(Вахид Табризи. «Трактат о поэтике», 15 в.)

14.

Слух обо мне клонирует братва,
Чтут рубайят акулы и плотва:
И гордый внук Афин, и ныне тихий
Нукус, с водой не помнящий родства.

Стихи для патронажа на дому
Слагаю в переметную суму:
Узнай, Земляк, что трезвенницу-дойру
Я посвятил похмелью твоему[1].

Утратив счет ошибкам и грехам,
Кричу халдеям — шустрым петухам:
«ОФИЦИАНТ! Я б заказал... молебен —
Навеки ненаписанным стихам!»

Миф обо мне — ну точно Вечный Жид —
Из Азии в Америку ль сбежит,
Где трубадур лишь Пепсию и славит,
Поскольку не кумысом дорожит?

Но знает археолога кирка —
Тимура на Гудзон плыла строка:
«Амир-ака-а-а! — вскричал Смотрящий Моря,
«Америка!!!» — услышали века.

Звезда Востока, там ли нужен я,
Где ишаком трусит Гудзон-дарья?
В такырах бакса сделаюсь джейхуном —
Звездой Вудстока в топях бытия.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Возьми мозг льва, пену со рта слона, язык змеи, мед пчелы, слюну собаки, мозг дьяволицы, зрачок шакала, мясо трупа, кровь из утробы женщины-демона, — все это разотри, читая заклятья. И получится — ВОДКА (араки)!». (Монгольское предание «О вкусной и здоровой отраве»)

15.

*«Ваше место — Азия; там совершите
вы достойный подвиг сивилизации».*

(А.С. Пушкин. Дневник 1833 года)

*«Сами персы, по их мнению, во всех
отношениях далеко превосходят всех
людей на свете».*

(Геродот. «История»)

*«Если в твоей жизни нет Иосифа, ты
не живешь».*

(Валад Бахауддин.

«Маариф», 1; 295)

...Пракситель-бек, учти один момент:
Я здесь. Но — там души моей цемент,
Где Искандер, который ибн Ар-Кадий,
Аж Чайхане поставил монумент.

О, стих его — прекрасен, как Юсуф.
Шлю чайханам салям...
(Признавшись вслух:
Везет привет Джейхуну от Хайяма
Мой юный доверитель Пав уль-Суф.)

Спит муэдзин — далек он от грехов.
А мне б успеть до первых петухов,
Отведав плов, построить для «Авроры»
Контрольный ошатыш моих стихов [1].

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «Персы говорят, что эллины встают из-за стола голыми, так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда». (Афинея. «Пир мудрецов», 2 в.)

КОНТРОЛЬНЫЙ ОШЛАТЫШ

«Меч сильнее, но перо выше».

(Омар Хайям. «О перо и его свойствах»)

«Еще надлежит с врагом так воевать, чтобы оставалось место для мира».

(Низам ал-Мульк.
«Сиасет-наме»)

Мой дастархан — и рифмы воробьям,
И лисам, что елозят по краям...
Но коли юзбаши без алгоритмов, —
Хот-догам молвит «Фас!» — уже Хайям.

Порога трепет и Хайям знавал,
Когда в иглу Дороги шаг вдевал,
Когда султан досмотров и бакшиша
Свой светлый путь — в ночи моей ковал.

Но грабли не воспрянут от щедрот,
Коль саранчой ползут на огород.
Любой Гарун умен — кормить гадюку,
Чтоб дыры в юртах затыкал народ.

Врагом и углем в Трое не сори,
Родные щели — второе осмотри.
Кассандра, защищай Лаокоона,
Пока скакун снаружи — не внутри.

Будь фарш коня — немтырь или горласт,
Все отзови: знаменья, вожжи, траст.
Когда же Ной зовет на борт отраву,
Ковчег — Лаокооном стать горазд.

Пандора, нет мне дела до того.
Что твой хурджун — смертельный враг всего.
Запри базар, ищи в мешке лекарство —
Болезнь к болезни сердца моего.

Излечат пусть сомнение мое
Микстура губ, объятий мумиё[1].
Измен, мой друг, на свете не бывает:
Есть лишь Любовь и — вынос из нее.

Почил в любви Овидий сотню раз,
Чтоб к двери новой страсти вырыть лаз.
Ученикам его да будет пухом
Подушка! И соломою — матрас[2].

Чьего тепла алкаю я глоток —
Вокзала?.. Чемодана?.. Милых щек?..
Коль ай лав Юг, а также ай лав Север, —
Есть, друг Овидий, в Западе — Восток![3]

Смахну лапшу, что стынет на ушах,
Найду свирель в соседних камышах, —
Ведь даже Искандеру ибн Филиппу
Пошел навстречу Дарий-шахиншах[4].

Такого б страх — вовек не сковырнул:
Храбрец с дорожной карты не свернул, —
Щелчком фаланг приветствовал собрата
И пику дружбы грекам протянул.

Великий Кир дал Дариям полет...
С тех пор и дни, и ночи напролет
Один закон иным народам ведом:
Лишь кир великий делу старт дает.

Платону — с Алишером по пути,
Афрасиабу — в Грецию вращи...
ОФИЦИАНТ! Я б заказал! Но — Мессу:
Дороге, что сильна к себе вести.

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) «...Но способна только Лейла вылечить меня».
(Поэт Маджнун Кайс ибн аль-Мухлавах из племени Бану-Амир, 7 в.)

2) «Что касается правильной космической ориентации тела для занятий любовью, то весной следует лежать головой на Восток». («Искусство любви учителя Дунь Сюаня», династия Суй, начало 12 в.)

3) «Двери твоего дома пусть будут обращены на Восток, чтобы через них входил свежий воздух». (Кекавмен. «Поучение византийского полководца 11 века»)

4) «Халиф вмешался: “Вместо того, чтобы проливать кровь тех, кто ваши братья, соедините силы для священной войны с греками”». (Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»)

ТОЛМАЧ-ХОНА

(легенды слов и выражений)

*«В то время, когда они еще
преследовали персов, среди римлян
оказался толмач Хосрова – Павел».*

*(Прокопий Кесарийский.
«Война с персами», 6 в.)*

*«Я спрятал свою истину за семью
печатями и сорока замками».*

*(Омар Хайям. Трактат
«Алгебра»)*

**ТРАКТАТ В УСТА ЦЕЛЮЯ СУРГУЧОМ,
ПОРА ПОБЫТЬ ХАЙЯМУ ТОЛМАЧОМ:
НАДЕЮСЬ, МОЙ СЛОВАРЬ ТЕБЕ РАССКАЖЕТ –
И ЧТО ЕСТЬ ЧТО, И ДАЖЕ КТО – ПОЧЕМ.**

**КРОША ТУМАН В ПОНЯТНУЮ МУКУ,
ИЗ ВАЖНЫХ СЛОВ Я КОРЕНЬ ИЗВЛЕКУ:
УЗНАЙ, ПРИЯТЕЛЬ, ФОРМУЛЫ ХАЙЯМА, –
ТАКИХ НЕ ЗНАЛ ТЫ НА СВОЕМ ВЕКУ.**

1

В домах любых достатков и мастей
МЕХМОН-ХОНА готова для гостей:
Здесь угостят и музыкой, и пловом,
И даже спать уложат без затей.

2

Общине стать удачливой веля,
Бдят аксакалы у ее руля,
И вот квартал и счастлив, и успешен,
Мы – микромир. И звать нас – МАХАЛЛЯ.

3

Учась в мектебе, часто слышал я,
Что бешеной звалась Аму-Дарья.
Вот почему негоже быть ДЖЕЙХУНОМ,
Чтоб не страдали берег и семья.

4

Свобода рук — основа важных дел...
Я для тебя суму тут приглядел:
Глянь — рюкзачок. Холщовый и восточный...
Приветствую! Ты, брат, ХУРДЖУН надел!

5

А вот еще в словарик запиши:
Ты правишь сотней? Значит — ЮЗБАШИ.
Когда же за тобой тысчонка сабель,
Ты — птица покрупнее: МИНГБАШИ.

6

Прельстившись взяткой, в страхе ешь и спишь,
Боясь ареста, стонешь и хрипишь.
Совсем иное, коли нежно грабишь,
Прикрывшись словом сахарным — БАКШИШ.

7

Славянофил! Сочувствие прими —
От Алгебры. И прыть свою уйми:
Не ваш Муса, который Ал-Моносуф,
Открыл АЛЬ-ДЖАБР, а — лично Хорезми!

8

Присядь, урус, поведаю тебе,
Что азбука зовется — АЛИФБЕ.
Ведь «алиф» — «аз», а «бе» — такая «бука»,
Что и ивриту, верь, не по себе.

9

Хамит Европа! И пора давно
Шерстить ее по Плущеру-Сарно:
Платоном обозвали АФЛАТУНА
И Авиценной — лекаря Сино.

10

Волшебных струн напев меня пленил,
Миг — я бы в сто динаров оценил!
Но что за диво в дланях Аполлона? —
«КИФАРА то!» — Бог лиры уронил.

11

О, близ нее утратит горя груз
Эхсила том и Том, простите, Круз:
Пегас копытом вырыл ГИППОКРЕНУ —
Джакузи для вконец уставших Муз.

12

АВРОРА-джан — румяна и мила.
Когда ж в кавычках, — вижу жуть ствола...
Зухра! Звезда прелестного рассвета,
Скажи «Авроре», чтоб добра была.

13

Романтик реализма без очков,
Он гурий славит, — дар его таков.
БАР-КОФ, увы, не суфий. Но согласен:
Его «Лукман Мудъ-и-Шуф» — перл веков!

14

Над всяким век расправу учинил,
Стишок стал усыпальницей чернил.
Что фараоны звали пирамидой,
Другой Восток — МАЗАРОМ заменил.

15

Вода и глина... День чудесен, брат!
Соломку режь — итогу будешь рад.
Теперь потопчем фарш для стройки нашей, —
И вот он — КИРПИЧЕЙ САМАННЫХ ряд!

16

Отведав, ты не станешь возражать:
Божественна! Медальку б ей стяжать...
КАЗЫ, колбаска-чудо из конины —
Всем в радость. Лишь кентаврам — век дрожать.

17

Прекрасен зной пустыни! Но — беда:
Ты косточки согрел... А где ж вода?
Подземный водоносный слой нащупай —
Ура: КЯРИЗ — на долгие года!

18

Сезон дождей. Пустыне повезло.
Но сушит вновь жара мое стило.
Озер усохших дно — старик глубокий:
ТАКЫР избороздил его чело.

19

Над ханом посмеявшись вдребадан,
Глупец-поэт торит тропу в ЗИНДАН.
Там крысы-палачи калам сгрызают...
О, не ездок я в ханский Магадан.

20

Ценней шприца его волшебный дар:
От гриппа — дым... От сплина — змей отвар...
Спешу к ТАБИБУ: исцелит любого,
Кто выложит барана иль динар.

21

Весь огород зазвал в казан поэт
И рифмой мяса увенчал обед.
Ну, кто там медлит? ДОМЛАМА готова —
Внимать ей будешь до скончанья лет.

22

Глянь, что там сушит зной близ наших юрт:
Шаров кисломолочных дружный гурт.
Не живопись люби, поэт, а — брынзу,
Ту, что, как Русь, с названьем кратким — КУРТ.

23

А вот названье, где крутой замес
Отваги... Тайны... Страху до небес...
К красоте ты пошел и не вернулся?[1] —
Да ты, брат, — остров! Ты — БАРСА-КЕЛЬМЕС.

24

Ему б — дать бой, чтоб не сгущалась тьма,
А он туман варганит для ума:
Поэт стишата в ребус превращает,
Сия мигрень зовется — МУАММА.

25

Поставь казан в сторонке от столов,
Туши скорее мясо, лук, морковь.
Готов ЗИРВАК? Добавь, приятель, риса, —
И вот идет-гудет янтарный плов!

26

Адам, ты б перестал меня учить
КОШЕРНОСТИ... Обязан огорчить:
Халяль — канон, который позволяет
И нам еду от яда отличить.

27

Плов истреблен... Ты сыт... Едва не спишь...
Постой, сейчас ты в шоу угодишь:
Скатай в комок последние рисинки —
И гостю рот шпаклюет ОШАТЫШ!

28

Не станут шахи пальчиком грозить,
Негоже и султанам голосить, —
Власть выдувает звонкие ФИРМАНЫ:
Указам горним трудно возразить.

29

В меню у греков — хитрость и туман,
Куда ни глянь — коварство и обман:
Нахально предлагают суп с лапшой,
Меж тем приватизировав — ЛАГМАН!

30

Историй сборщик, внук Тацит-аки, —
Руми творил «ДАФТАРЫ»...
Велики
Вот так же и Тацитовы «Анналы»:
Дафтары. Суть — тетради, дневники.

31

К его призыву даже трезвый льнет,
Две пиалы — и сон тебя согнет...
Не стану гнать АРАК из рубайята,
Сперва урус про водку пусть черкнет.

32

Он Бактрию объял и Парфенон,
Аскерам он и маршалам — Канон,
Он — ЗУЛЬКАРНАЙН. Двурогий Александр:
Восток им горд, и Запад им пленен.

33

Азарта в слове этом аромат,
Блистал султан... Сдавался дипломат...
ШАТРАНДЖ — охоты внук и шахмат прадед:
Крадись... Руби... (Пуская в дело мат...)

34

Вот ГУВАЛЯК. Кому он младший брат? —
Саманным кирпичам... Но очень рад
Цемент навоза пригласить в начинку,
Чтоб в стену лечь — усиленным стократ.

35

Споив водою трезвое зерно,
Ждет махалля, чтоб проросло оно.
Потом всю ночь в котле томится чудо:
Ведь СУМАЛЯК варил сам Ибн Сино!

36

Пойму Чапая... Гнев его пойму...
И щепки стульев вмиг прощу ему...
Пусть Искандер был тоже храбрый воин, —
Зачем взамен кураре пить «ЧАШМУ»?

37

Промерз, бедняга? Верно, все б отдал
За чудо, что в кибитке увидел:
Стол над печуркой... Сверху — одеяло...
Зовется диво зимнее — САНДАЛ.

38

Мост в рай иль ад, СИРАТ — не из досок:
Над пропастью протянут волосок.
А ну-ка, парни! You are welcome, пери! —
Даёте по-над бездной марш-бросок!

39

В них — тайны Гиппократовой тоски,
И даже Авиценна трет виски,
Когда лютуют РИШТА и ПЕНДИНКА —
Подкожный червь, язвительный москит.

40

Он — ФАЙНБЕРГ! Рубайят — его стилет,
Великолепен строф его балет,
Ведь ИСКАНДЕР, который ибн АР-КАДИЙ —
Хан Чайханы и пламенный Аэд.

41

Амврозия не шла во вред стихам,
Воспел пиры и сам Абу Рейхан.
Когда сидите вы за угощеньем, —
Приятного!.. Пред вами — ДАСТАРХАН.

**...СПИ, РУБАЙЯТ! ДУША, ОЧНИСЬ И ПОЙ,
КОГДА ЛЕТИШЬ ЖЕЛАННОЮ ТРОПОЙ —
И В ХОРАСАН, И В ФЕРГАНУ, И В ГРЕКИ,
И К РЕКАМ, ГДЕ ДЛЯ МОРЯ — ВОДОПОЙ.**

**НЕ ОТПУЩЕНЫЕ ДАЙ ЛЮБВИ РАБЕ:
С НЕЙ ПОСПЕШИ К НЕХОЖЕНОЙ ТРОПЕ,
ГДЕ НЕТ ПЕРИЛ, И ТОЛЬКО ТЫ — СВИДЕТЕЛЬ:
МЕЧУ. ОРАЛУ. САМОМУ СЕБЕ.**

Научный аппарат лирики, или Дополнительные источники

1) *«...ибо история умалчивает о дальнейшей судьбе красавицы Лейлы — обладательницы бесподобных очей и прелестных ножек».* (Поток сознания Меча Аллаха, Рыцаря Пустыни полководца Халида ибн ал-Валида, 7 в.) (Цит. по кн. генерала А.И. Акрама «Рыцарь Пустыни», гл. 16 «Битва при Йамане»).

Вместо послесловия

«Но тут силы покинули меня и речь стала бессвязной». (Валад Бахауддин. «Маариф»)

«Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало нового Средневековья». (Ник. Бердяев. «Новое Средневековье», 1924 г.)

«Ибо хороших дорог мало». (Отец Иакинф Бичурин)

«Даже если верить евреям, то то, что они говорят, не устраняет сомнения, а навлекает его еще сильнее». (Абу Рейхан Бируни. «Памятники минувших поколений»)

«Здесь заканчивается рассказ об этом путешествии, хвала Господу миров!» (Ибн Баттута)

«Прошу уважать авторский текст, в котором все ошибки, повторы, безвкусица и пошлость – тщательно выверены и распределены». (Жан Кокто. Из предисловия к пьесе «Человеческий голос»)

Мавераннахр – Брайтон-Бич
1413 (Хиджры) – 5771 (от сотворения мира)

© Павел Шуф, 2013

Салим ФАТЫХОВ,
доктор культурологии, член Союза
писателей России, профессор
Челябинского института культуры

Павел Шуф и его "Хайям в Афинской школе..."

Еще первые варианты поэмы-трактата Павла Шуфа «Хайям в Афинской школе» ввергали меня в восторг, а данный, окончательный, вариант получил, на мой взгляд, законченное лирико-философское, иронико-эротическое, порою сатирическое обрамление от автора — искренне (до лирического неистовства) любящего Восток, страдающего от тоски по нему европейца-интеллектуала. Никогда я еще с таким восторгом и трепетом не читал у восточных коллег поэтические произведения такого объема. Не в смысле количества строчек, а в смысле той потрясающей ориентальной бездны, которая разворачивается в этих интеллектуальных поэтических инверсиях. Каждое слово из привычного тезауруса или сконструированное автором из русско-тюркско-персидского лингвистического океана морфем и этимонов, каждое четверостишие, сверкающее юмором, эротикой, иронией, глубочайшими знаниями и трепетной любовью к Востоку, — это особое квантовое пространство! В нем читающий преодолевает субстанцию времени и переносится из сегодняшней восточной чайханы в сократовские Афины, из турано-сверкающего Афрасиаба — в Рим, из торгово-гуляющего Нишапура — в варягскую Русь, из грешных Помпей — в

воинственную Персию. В нем он (читатель) с помощью искрометных строк Шуфа стучится в бочку к Диогену, вычерчивает на песке сентенции вместе с Аристотелем и цепляется за рычаг Архимеда, застольничает с Хайямом и увещевает Харона...

Структуралисты, деконструктивисты, постмодернисты разбирали по косточкам тексты, пытаясь вытряхнуть из них сонмище душ, а получали мертвечину фонем, морфем и белые, как поганки, дискурсы. А Павел Шуф вытряхивает из асбестовых штанов (не из желудка) Кроноса — спрятанные там в мощну человеческий интеллект, великие имена культуры и великие культурные символы, делая их смешными, но, одновременно, домашними и родными. Какое пиршество ума, безумия, юмора и всечеловеческих слез! Не надо никаких академических всемирных многостраничных историй, не надо никаких зануднейших монографий, беспомощно рефлексирующих на ниве культурной и философской антропологии, тем более — культурологии! Читайте Павла Шуфа — и позавчерашнее окажется далеким будущим, а день сегодняшний уйдет в далекое вчера и сядет в кабачке рядом с Хайямом, чтобы испить из хума напитков вечной иронии над собой, над миром и даже над зрачком красавицы, ставшим обожженной крупинкой потеющего кувшина. Или же пройдет мимо Диогена, предложив за сто баксов новый кованый обруч для его бочки. Блестяще, ни на что не похоже! Павел, Вы — первый в этом жанре.

По законам смеховой культуры, Локи («Старшая Эдда») — фигура трагикомедийная. Здесь то же — трагическая нотка зарыта весьма и весьма глубоко, но она пульсирует, как черная дыра в центре нашей Галактики. И такой эротической акварели, каковая предстает здесь, — поискать надо.

Легко забыт зловещий мост Сират
Во имя древнегреческих отрад,
Где в тамадах блистает Аристотель
И где в алаверды силен Сократ.

Здесь Птолемей над глобусом парит,
И Афлатун о горнем говорит,
И, циркулем своим в оливки целя,
Сам Архимед к наукам гнет Харит.

Вот с Птолемеем глобус я верчу,
На Диогена-циника ворчу,
Но, вдруг узрев явленье Искандера,
Скрываюсь в ель (по-нашему – в арчу).

Может, тот, кто никогда не бывал на Востоке, кто не пронизывал разумом время и не путешествовал в интеллектуальных рефлексиях по ушедшим в небытие культурам, не поймет написанное, не будет охвачен трепетом узнавания, — но это его вина!

Может, тот, кто не знаком с восточной негой, с метафоричностью и, опять же, ироничностью восточного стиля, не замрет в восхищении от пронзающих века и классические образы лирических строк, хотя бы таких:

Сбылись Пиг-м-Аль-Ионовы мечты:
Ах, Гюлятея нюхает цветы!
Затем ли, пери, я люблю живую,
Чтоб статуей лежала нынче ты?

Сам Бахус пиалу поднёс вчера
С фалернским, что покрепче топора.
Любимая, нет крепостей на свете,
Которых бы Хайям не взял с утра, —

но это уже его беда! Он не поймет, что для него Нишапур спит, а истерн вреден, что «Мерседес» уступает в предоставлении всех возможностей созерцать наш дивный мир ишаку Ходжи Насреддина, а восточное ружье (мультик) не так страшно, как «его спецназ»...

Метафорический хаос поэмы-трактата так гармоничен, что я не нашел ни одного изъяна. Салям читателю и автору от восхищенного урало-татарского узбека[1].

---

1) С. Фатыхов. Библиографический указатель. Челябинский гос.институт культуры, 2017, стр. 125–127. (Текст статьи – из альманаха «Письма о Ташкенте», 2013).

Иллюстрации

- На обложке.** Рафаэль Санти. «Афинская школа». 1511. Ватикан.
Мухаммад Джафар. «Музыкант с рубабом». ок. 1590 г. Британский музей.
- стр. 4** Женщина с кувшином и чашей. XVIII в. Эрмитаж
- стр. 8** «Всадник». Персидская миниатюра. 16 в.
- стр. 13** Шейх Мухаммад. Верблюд и погонщик. 1556 г.
- стр. 16** Персидская миниатюра. 16 в.
- стр. 19** Мир Афзал Туни. «Дама наблюдает за собачкой, лакающей вино». 1640 г.
- стр. 22** Миниатюра «Дервиш на муле». Турция. 16 в.
- стр. 26** «Плотник, его неверная жена и ее любовник». 1333 г.
- стр. 34** Мир Саид Али. «Мудрец, размышляющий над книгой». 1570 г.
- стр. 44** «Собрание мудрецов». Персия.
- стр. 45** «Отдыхающий юноша». 1600–1630. Эрмитаж.
- стр. 47** Фрагмент стенной росписи дворца в Афрасиабе. VI–VIII вв.
- стр. 48** Али Кули Джаббадар. «Шах Сулейман I и придворные». 1670 г.
- стр. 49** В. Верещагин. «Верблюд во дворе караван-сарая».
- стр. 54** «Лев, напавший на буйвола». 1429 г. Топкапы Сарай.
- стр. 68** «Юноша, подающий вино девушке». Персия. 16 в.
- стр. 1, 18, 36, 69** Фрагменты фрески Рафаэля «Афинская школа». 1 и 69 — неизвестный, 18 — Парменид, 36 — Диоген.

Содержание

А. ФАЙНБЕРГ. «Изящный ребус, требующий сопереживания и проницательности» (предисловие).....	3
Н. КРАСИЛЬНИКОВ. Дерзкая поэма-симулякр (предисловие).....	5
П. Ш. «Поэтов яд и хмель...» (синопсис трактата).....	6
ПАВЕЛ ШУФ. Хайям в Афинской школе, или Парнас-наме. (Поэма-трактат).....	7
«Пятерица» на дорожку	8
Апология мехмон-хоны, или Панорама с плеч Ньютона.....	10
Песнь о Кайтарыше	40
Контрольный ошатыш	53
Толмач-хона (легенды слов и выражений)	56
Вместо послесловия	65
С. ФАТЫХОВ. Павел Шуф и его «Хайям в Афинской школе»	66
Иллюстрации	70

Другие книги Автора

*(Поэмы, афоризмы, стихотворная сатира,
притчи, бурлески, парад одностиший,
венки джатак, театр одного эмигранта,
гэги, венки сонетов, лирика, романсы,
сатирическая приватизация мифов, анекдоты,
комическая инвентаризация рыбьего царства):*

«Ночь любви к воздержанию». 348 с.

«Предварительные ласки». 244 с.

«Сгущение материи». 257 с.

«Академия чужих ошибок». 338 с.

«Моя Пандора». 323 с.

«Меж волком и собакой». 261 с.

«Нью-Йоркский Диван». 186 с.

«Евангелие от Адама». 340 с.

«Новая русская щука». 244 с.

«Чучело таксидермиста». 236 с.

«Словесный портрет тишины». 265 с.

Published in the USA

Тел. в Нью-Йорке 1-718-368-0419

e-mail: pavel.shuf@gmail.com

Авторский сайт: <http://www.shuf.net/~pavel/>

Фото к главе
«Песнь о Кайтарыше»

*Пусть бороды свои лингвисты рвут,
Но «жизнь» — Омаром в Персии зовут,
А на иврите «жизнь» зовут Хайямом, —
Вот так орлы двуглавностью слывут!*

*Когда Фемида одолжит весы,
Не дрогнут двуязычия усы:
Ведь нынче я — Хайям для Моисея,
Зато — Омар для славного Мусы.*

*Лечи больных, табиб Абу Али...
Меня ж вдвойне к здоровью привели,
Когда, назвав Омаром и Хайямом,
В дней караван две жизни заплели.*

*Так Зулькарнайн, без отдыха и сна,
Двуцлен судьбы готов решить сполна:
Восток и Запад — крылья Искандера,
Омар с Хайямом — жизни имена.*

